

Катя Михалина

Рок эбаут

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катя Михалина

Рок эбаут

«Автор»

2026

Михалина К.

Рок эбаут / К. Михалина — «Автор», 2026

Москва. 80-е годы 20 века. Любера борются с неформалами, стараясь отстоять свои идеалы. Гошан, простой пацан из Люберец один из них, горит идеями своего братства, пока не сталкивается с призраком синеволосой девочки. Теперь ему придется крепко задуматься о том, кто прав в этом противостоянии, и есть ли она вообще эта правда.

© Михалина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рок Эбаут	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Рок эбаут

Рок Эбаут

Сам я никто, но нас называют люберами. Это просто люберецкие ребята. А ездить драться в Москву стали лет 10-15 назад. Об этом нам ещё отцы рассказывали. Ездим мы и сейчас. Но бьем не всех подряд, а только тех, кто нам не нравится. А разве вам нравятся те, кто ходит с цепями, весь проклепанный или перекрашенный, кто позорит нашу страну?

Взрослые нас везде уважают, а иначе и быть не может. На заводах варят станки, сторожа придерживают собак, чтобы мы могли набрать железа. Учителя физкультуры освобождают от уроков после того, как мы делаем на турнике по 15-20 выходов на две. Никто с нами не дерется, мы всех валим. Эти волосатые все время ноют, жалуются, что их никто не понимает. А что там понимать? Патлатые кривые дегенераты с черепастым оскалом на майке. Я помню, как эти самородки хрипят у меня под ногами.

Мы не хулиганы, наоборот, мы обычные парни, за мир, за простой народ и за свою страну. Мы всегда деремся по правилам. У нас даже кодекс есть. Мы не трогаем волосатиков с девушками, не бьем толпой одного, и не используем никакого оружия. Да и зачем кастет в драке с хиппи? Его пальцем тронь, он упадет и заплачет. Нас все любят, даже милиция не трогает. Граждане всегда довольны, что "нетаких" бьют, и кто-то должен это делать.

Сегодня нас будет много, человек шестьсот соберется. Нефоры в последнее время совсем оборзели, в отмах идут, нужно показать этим ублюдкам за кем сила. У них сегодня большой концерт в парке Горького, пидоры какие-то из Ленинграда приедут. Как-будто своих пидоров в Москве мало.

С утра иду в качалку. Там все наши. Настроение приподнятое, как всегда перед рейдом. Пытаюсь заниматься, но меня постоянно кто-то отвлекает, и я бросаю. Ребята в возбуждении. Возьматься как маленькие. На повторе играет "рок эбаут". Мне тоже весело и легко-легко. Хочется смеяться и дурачиться. Перед дракой всегда так. Кровь бурлит, руки наливаются силой, во всем теле будто шипят и лопаются маленькие пузырьки, как в бокале шампанского. Я пробовал шампанское однажды, батя на новый год наливал. Мне не понравилось. Вообще-то я не бухаю, никто из наших не бухает. Что хорошего в синьке? Вон батя, как и другие работяги с машиностроительного бухает по черному, всю зарплату на эту водку спускает, потом мамку гоняет, гонял, пока я маленьким был, сейчас, конечно, уже опасается. Разве это хорошо? Я, когда закончу шарагу тоже пойду работать на завод, но бухать не буду. Лучше вечерами в качалку ходить, чем в гаражах торчать. Плохо, что курю, в школе с пацанами начал. Но я обязательно брошу, а иначе и быть не может.

Ребята поедут на станцию из зала, а мне нужно домой. Мамка просила встретить малую из школы и покормить обедом. На выходе из подвала останавливаюсь перекурить с Быком. Бык мой бывший одноклассник, и мы забились бросать курить вместе. Но не сейчас, к лету.

— Чё, Гошан, — скалится Бык, — сваливаешь? Зассал металюг? Наваляют они тебе? — Бык мой лучший друг и дебил. И шутки у него дебилские.

— А то как же! — Смеюсь в ответ.

Выкуриваем по сигарете. Бык изображает, как будет валить патлатых, а я просто показываюсь со смеху. Напоследок он бьет меня по плечу:

— В три ноль семь электричка. Не опоздай.

— Не дождешься, — отвечаю я.

Школа у нас одна на весь микрорайон. В ней учились все, кого я знаю. Мы с Быком, Череп, Ваню, Кот, Цыган и даже Доктор. Наши отцы тоже учились в этой школе. Мамка у меня

не из местных. Её батя привёз с Украины, где служил. Мамка хорошая, добрая, хоть и строгая. До сих пор, хотя я и вырос давно, мне уже шестнадцать, может приложить тем, что под руку попадётся, но на то она и мамка, ей можно, а иначе и быть не может.

Уроки закончились и Аленка ждет меня возле спортивной площадки, издали видать синюю шапку с помпоном. Она у меня молодец, послушная, не то что я, и учится отлично. Может, даже в институт потом поступит. С одной стороны хорошо, станет врачом или учителем, с другой, как её в эту Москву на учёбу отпускать? Там сейчас этих чертей развелось видимо-невидимо. Вот, как с ними бороться? Я не знаю. Я не понимаю их стремлений. Чего они хотят? Думаю каждый народ должен быть похож только на себя, и отличаться от остальных. А эти наслушались заграничных песен и твердят, что там у них все лучше, даже вода мокрее. А мы что, получается говно все? Хочешь выделяться — займись спортом, в качалку иди. А противопоставлять себя нормальным людям, вставив ржавую булавку в ухо и отрастив длинный хаер, неправильно. За это мы их и бьем. А еще за высокомерие. Считают себя умнее других, а чем, спрашивается они умнее? Еще они на каждом углу кричат о своей свободе. А какая у них свобода? Свобода получить пизды от нас или ментов? В Люберцах так не принято. Здесь все равны, все примерно одинаковые, и каждый за всех.

На дворе день, а на скамейках у подъезда уже дискотека во всю. Из магнитофона орет "Мираж", пацаны и девчонки с нашей школы пьют пиво. С ними Светка, самая красивая девчонка нашего двора. Рыжая, ноги длинные и вся такая ух! Светка всем нравится. Видит меня, встает со скамейки и идёт, и словно не идет, а плывет. Глазищи зелёные смеются из под густой челки. Я бы на ней женился не раздумывая.

—Че, Гошан, в Москву едете? — и улыбается. И улыбка такая — куда там актрисам всяким.

—Едем, — отвечаю, а у самого все мысли из головы вылетели, все вылетело, кроме этих искрящихся глаз.

—Можно с вами? Я в стороне постою, мешать не буду.

—Свет, ты же знаешь наши правила. Без баб. — сурово так говорю, брови насупил, а у самого внутри опять пузырьки лопаются и щекочут.

—Жаль, — вроде даже не обижается. — Увидимся. — и идёт к скамейке.

"Увидимся". Это она мне. Стою и туплю, глядя на танцующую походку, пока малая не тянет меня за рукав. Внутри все поет.

На обед уха из рыбных консервов. Аленка капризничает, не любит она уху. Я тоже не люблю, но ем. Обещаю, если все съест, свозить её в Москву, в зоопарк в эти выходные.

Малая садится за уроки, а я перебив тарелки, иду собираться.

Натягиваю клетчатые штаны, шнурую армейские берцы. Снег стаял, но по вечерам ещё прохладно, поэтому беру с собой куртку. На лацкан значок с Лениным. Взглянув в зеркало на удачу, выхожу из дома. Победа будет за нами, а иначе и быть не может.

Бык стоит на перроне, нервничает и курит. Подхожу сзади, бью по плечу. Поворачивается, глаза по пять копеек, кто посмел? Видит меня, смеется. Заскакиваем в последний момент. Электричка трогается.

Вагоны набиты до отказа. Почти все пассажиры из наших. Редкие дяди и тётки смотрят в окна, чтобы не пялиться на нас. Это и понятно. Они нас знают и не боятся, но рядом с толпой в несколько сотен, состоящей из спортивных парней в одинаковых клетчатых штанах, невольно почувствуешь себя не в своей тарелке. По другому и быть не может.

Доктор заранее провёл с парнями беседу, настрого наказав вести себя прилично. Мог бы и не стараться, мы ж не хулиганы какие-то, а хорошие советские парни, старших уважаем, понапрасну не барагозим. Хотя, не все, конечно. Вон Бычара, например, чистое дитя, ведёт себя так, будто впервые едет в электричке, выглядывает в окна, ржет как конь, все на что-то

мне пальцем тычет. Мне приходится его одергивать, а это непросто, самому все время хочется смеяться.

В Москве все меняется. Народ собирается и ведет себя дисциплинированно. Это и отличает люберов от обычной шпаны. Мы не гопота, которая таскается от нечего делать по городу и цепляется ко всем без разбору. Мы идейные, у нас организация. Организованно высаживаемся на Казанском вокзале, так же организованно грузимся в поезд метро. В один все не помещаются, и мы с Быком едем со второй партией, на следующем. Некоторые граждане шарахаются, увидев нашу толпу, другие улыбаются. Милиционеры дружески кивают, оно и понятно, где мы, там порядок, известный факт. Иначе и быть не может.

В парке культуры имени Горького сегодня аншлаг. Ещё со входа слышится музыка. Видимо-невидимо шипастых, волосатых, невымытых нефоров и прочей нечисти. Они пьют пиво, курят, плюются и обнимаются с такими же нечёсаными, обряженными в косухи, размалеванными девками. Позорище, аж противно. Куда только смотрят их мамки с папками? До поры никого не трогаем — распоряжение Доктора — ждем окончания концерта. Музыка ничего так, можно слушать, а тексты или непонятные, или совсем дерьмо какое-то. Любишь волосатика, спрашиваешь: «Ты панк что ли?». А он: «Нет, я меломан». «А если меломан, какую музыку любишь?» Он перечисляет. А я все это слушал и не понимаю, что там любить. Спели бы хоть раз что-то, не чтобы выделиться, а чтобы пронимало до самого нутра, может, мы бы и бить их перестали? Вот и сейчас, значит, поют «собака дохлая тайком нашла ириску». Как же она её нашла, если дохлая? Чудики, право слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.